

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-126-137>
<https://elibrary.ru/НКМВJK>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2024. Н. Н. Смирнова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

**Любовь и форма: идеи Л. Н. Толстого
в творческом осмыслении М. О. Гершензона**

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН
за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00450 «Целостность /
фрагментарность: эстетика Л. Н. Толстого
в философской критике и теории литературы первой трети XX в.»,
<https://rscf.ru/project/23-28-00450/>*

Аннотация: В статье исследуется влияние толстовской мысли на формирование литературоведческих и философских идей М. О. Гершензона. Показано развитие мировоззренческого поиска ученого в отталкивании от философии любви Л. Н. Толстого. Прослежена эволюция этого поиска от 1900-х гг. до 1920-х гг. — периода работы М. О. Гершензона над «Тройственным образом совершенства» и книгой «Гольфстрем». Особо обозначен вопрос влияния толстовского поиска нового модуса повествования «вне всякой формы» на литературоведческую, и шире, — гуманитарную мысль первой четверти XX в. Сделан вывод о том, что эволюция взглядов Толстого на технику повествования оставила заметный след в интеллектуальной культуре XX в. В частности, пафос Л. Н. Толстого оказал серьезное влияние на М. О. Гершензона — от ранних откликов на философию любви до рефлексии о существе художественной формы и сцеплений как фундамента теории медленного чтения.

Ключевые слова: М. О. Гершензон, Л. Н. Толстой, философия любви, литературная форма, фрагментарность, афоризм, дневниковые записи, эссе.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Смирнова, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>

E-mail: nnsmirnova@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 12.05.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 04.07.2024

Дата публикации статьи: 25.12.2024

Для цитирования: Смирнова Н. Н. Любовь и форма: идеи Л. Н. Толстого в творческом осмыслении М. О. Гершензона // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 126–137. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-126-137>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 126–137. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 126–137. ISSN 2686-7494
Research Article

© 2024. Natalia N. Smirnova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Love and Literary Form: L. N. Tolstoy's Ideas Received by M. O. Gershenzon

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00450 “Wholeness / Fragmentation: L. Tolstoy's Aesthetics in Philosophical Criticism and Theory of Literature in the First Third of the 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-28-00450/>).

Abstract: The paper examines the influence of L. N. Tolstoy's thought on the literary and philosophical ideas of M. O. Gershenzon. The development of M. O. Gershenzon's philosophical search relies on the philosophy of love of L. N. Tolstoy. The research traces the evolution of this search from the 1900s until the 1920s (the period of work on “The Triple Image of Perfection” and the book “Gulfstream”). The article highlights the influence of Tolstoy's search for a new mode of narration (“without any form”) on literary criticism and humanitarian thought in the first quarter of the 20th century. The author concludes that the evolution of Tolstoy's thought on the narrative technique influenced many areas of the intellectual culture of the 20th century. Tolstoy's ideas significantly influenced M. O. Gershenzon, from early responses to the philosophy of love to reflection on the essence of literary form and “cohesion” as the base of the slow reading theory.

Keywords: M. O. Gershenzon, L. N. Tolstoy, philosophy of love, literary form, fragmentariness, aphorism, diary, essay.

Information about author: Natalia N. Smirnova, DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>

E-mail: nsmirnova@mail.ru

Received: May 12, 2024

Approved after reviewing: July 04, 2024

Published: December 25, 2024

For citation: Smirnova, N. N. “Love and Literary Form: L. N. Tolstoy's Ideas Received by M. O. Gershenzon.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 4, 2024, pp. 126–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-126-137>

М. О. Гершензон сравнительно мало писал о Л. Н. Толстом-художнике. Широко известна его работа «Л. Н. Толстой в 1855–1862 гг.» как приложение к книге «Мечта и мысль И. С. Тургенева» (1919), где противопоставляются художественные манеры русских писателей. Однако непосредственное влияние мысли Толстого на Гершензона огромно; его литературоведческие и философские идеи формировались в русле мировоззренческого поиска классика и в диалоге с ним.

Как известно, Гершензон был знаком с Толстым с июля 1904 г. [Толстой 57: 296]; [Гершензон 1923: 96–101]. Однако 4 января 1909 г. состоялся разговор, размышления над которым нашли отражение в дневнике писателя: «Третьего дня был настоящий интеллигент, литератор Гершензон, будто бы с вопросами о моих метафиз[ических] основах, в сущности же с затаенной (но явной) мыслью показать мне всю безосновность моей веры в любви. Долго он мямлил, но наконец ясно, определенно высказал следующее: “Почему думать, что то Начало, к[отор]ое создало жизнь и мир и ведет жизнь мира, предписало основой нравственности *любовь*?” И это он говорил после того, как я уже определенно высказал ему то, что под Богом я разумею Любовь, не могу понимать Бога иначе, как любовью» [Толстой 57: 5–6]. При этом Толстой характеризует «строго рационалистический взгляд» Гершензона как «грубое суеверие», поскольку в его основе также «принятое на веру», а вовсе не доказанное убеждение.

Сам Гершензон также оставил об этой встрече впечатления в письме к брату, Абраму Осиповичу, от 8 января 1909 г.: «Чертков повез меня в Ясную к Толстому, и тут у меня вышел с Толстым крупный разговор. <...> Чертков представил меня почему-то как сотрудника В. Е.; возможно, что Т. принял меня за интервьюера. У него совсем пропала память на лица и имена; и хотя мы с ним знакомы, и он читал и Печерина и Киреевского, но, видимо, не узнал меня. Чертков, на основании разговора, который у меня был с ним раньше, дома, с места в карьер

сказал: “Вот, М.О-а интересует вопрос, что Вы думаете о Боге, как творце мира” и пр. Толстой стал отвечать. Тотчас пришел в раздражение, не давая мне говорить, и объявил, что я опутан жалким суеверием. Я молчал. Это продолжалось минут 10, не больше <...>» [Гершензон 4: 481–482].

Как видно, Толстой прекрасно узнал Гершензона («настоящий интеллигент, литератор Гершензон»), а вовсе не принял его «за интервьюера». Как и в любом споре, каждому из собеседников кажется, что другой говорил гораздо больше: «пришел в раздражение, не давая мне говорить <...>. Я молчал» (Гершензон); «долго он мямлил» (Толстой).

При этом Толстой испытывает муки совести за чрезмерное увлечение в разговоре («Да, нагрешил, нагрешил» [Гершензон 4: 482]), «сознание тщеты рассуждений» [Толстой 57: 6] и поверяет на деле свою «веру в любви»: «Только бы жить перед Богом, только любовью. А вот сейчас писал о Герш[ензоне] без любви — гадко. Помогите, помогите... не могу назвать» [Толстой 57: 6].

В поздний период творчества Гершензон и сам много размышлял о бесполезности споров и «тщете рассуждений»: это — сквозной мотив в «Переписке из двух углов» (1921) с Вяч. Ивановым, а также в письме к Льву Шестову по поводу той же «Переписки» (см.: [Гершензон 4: 51]), теме молчания посвящено эссе «Демоны глухонемые» (1922).

Также примечательна рефлексия обоих собеседников об «интеллигенции» и та палитра чувств, которая у них при этом возникает в диапазоне далеком от собственно «любви». Толстой, не без влияния, которое оказало на него общение с «интеллигентом» Гершензоном, подчеркивает несамостоятельность суждений интеллигенции, ее желания быть «как все» [Толстой 57: 8], сокрушаясь при этом, что и ему пришлось слишком много прибегать к рассуждениям, в то время как лучше было бы «молчать» (см.: [Толстой 57: 6])¹. Гершензон в статье «Творческое самосознание», вошедшей в сборник «Вехи» (1909), по существу подчеркивает это *как все* в интеллигентской среде: «Личностей не было — была однородная масса...» [Гершензон 1991: 97] и, напротив, «чем подлиннее <...> талант, тем ненавистнее были ему шоры

¹ Толстого вообще тяготили всевозможные виды публичного поведения, которым он противопоставлял возможность писать, не оглядываясь на аудиторию (см. напр.: [Андреева 2024: 35]).

интеллигентской общественно-утилитарной морали, так что силу художественного гения у нас почти безошибочно можно было измерять степенью его ненависти к интеллигенции: достаточно вспомнить гениальнейших — Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета» [Гершензон 1991: 97]¹.

И однако основа противоречия в споре ретроспективно выглядит так: Толстой вспоминает о *Любви*, а Гершензон — о *Боге как творце мира*. Для Толстого универсальна любовь, для Гершензона — совершенство.

Вероятно, Гершензон полагал уже тогда (что впоследствии найдет отражение в его трактате «Тройственный образ совершенства», 1918), что «...Бог — не любовь. Любовь вполне чужда. Совершенству любовь не нужна, потому что оно есть именно мировая полнота личности, утверждающая себя и в себе — все сущее»². В то же время любовь еще и в основе гипотетического закона существования мира, формулировка которого сциентистски заострена³: «Закон любви, впервые в полноте сознанный Христом, т.е. закон, гласящий, что любовь к ближним естественно-присущ человеку, а уклонение его есть ненормальность и болезнь, — этот закон есть такая же гипотеза о сущности человеческого духа, как и научный закон <...>»⁴. Здесь слышится эхо позитивистского мнения, уравнивающего веру и знание, признающего единый механизм их возникновения, только на различных основаниях. Вероятно, самого Гершензона не удовлетворяло такое понимание религиозного чувства, и потому требовалось каким-то образом выйти за пределы рационального. Поиски этого выхода приводят его к Толстому, который в рефлексии на темы «веры по Бергсону и Джемсу» [Гершензон 4: 191] закономерно видит «суеверия».

Впрочем, упоминание «суеверий» здесь двунаправленно: с одной стороны, толстовская характеристика парадоксов современного раци-

¹ Тема «Толстой и “Вехи”» выходит за рамки данной статьи; в этой связи см., например: [Hamburg 2010: 1–15].

² ОР РГБ. Ф. 746. К. 10. Ед. хр. 40. Л. 19.

³ В отличие, например, от многочисленных попыток определения любви у Толстого в постоянном диалоге с самим собой.

⁴ ОР РГБ. Ф. 746. К. 10. Ед. хр. 44. Л. 2.

анализа, с другой — и Гершензон видит в духовном поиске Толстого «грубый антропоморфизм» [Гершензон 2019: 210].

Во время работы над философским эссе «Письма к брату» (1907) Гершензон использует материал своих дневниковых записей 1905–1907 гг., содержащих размышления над толстовской «Исповедью» и первым томом «Круга чтения» (1906) [Смирнова 2017: 306]; [Гершензон 2019]; [Соболев 2016]. В «Письмах к брату» звучит окончательный приговор поискам смысла, познанию Бога и «плана бытия». По мнению ученого, человек не может уяснить ни смысла бытия, ни его плана, ни тем более приблизиться к пониманию Бога: именно такое стремление он называет здесь «первобытным антропоморфизмом» [Гершензон 2017: 21]. Poleмический отклик вызывает не только мысль Толстого, но и, главным образом, те назидательные интонации, которые он улавливает в стиле высказывания писателя («Совершенно пустой набор слов и ухищрения, не только схоластические по смыслу, но и отталкивающие елейным бездушием» [Гершензон 2019: 210]). Однако толстовская же мысль, звучащая в иной тональности, обращенная к самому себе, из глубины отчаяния, вызывает иной, искренний отклик и доверие («это мог написать Августин» [Гершензон 2019: 211])¹. В «Демомах глухонемых» Гершензон говорит о важности «личного стиля» речи, «характер которого либо умаляет, либо волшебным образом удесятерит силу заключенных в ней доводов» [Гершензон 2017: 118].

Влияние общего строя мысли Толстого было несомненным, и много лет спустя Вяч. Иванов в уже упомянутой «Переписке из двух углов» подчеркнет у своего собеседника стремление к Богу, запечатленному «в огненной душе живущего» как «регулятивному инстинкту» «с его имманентной телеологией» [Гершензон 4: 38–39], которому подчиняется каждый человек в своей повседневности. Самодовлеющее значение инстинкта, который есть цель и смысл в себе самом, по существу повторяет «грубый» / «первобытный» «антропоморфизм» Толстого в интерпретации Гершензона — как недоказуемую «уверенность в существовании “смысла”» [Гершензон 2019: 210].

Более того, Вяч. Иванов справедливо соотносил известное стремление к забвению и *tabula rasa* в позиции Гершензона с влиянием толстов-

¹ «Что я здесь, брошенный среди мира этого? К кому обращаюсь? У кого буду искать ответа?..» [Толстой 48: 351], см. подр.: [Смирнова 2017: 307–309].

ской идеи опрощения, впрочем, противопоставляя ее «простоте вожденной и достолюбезной», к которой «путь идет через сложность» [Гершензон 4: 46]. При этом, по мнению Вяч. Иванова, «простота как верховное и увенчательное достижение есть преодоление незавершенности окончательным свершением, несовершенства — совершенством» [Гершензон 4: 46].

Для Гершензона незавершенность как таковая вовсе не была изъяном, поскольку образ совершенного мира не может быть окончательным; важнее путь, а не достижение; путь же к совершенству пролегал через личный поиск смысла, раскрыть который можно благодаря искусству медленного чтения.

Важно отметить, что такого рода поиск приводит Толстого к новому типу письма «вне всякой формы» [Толстой 57: 9]. Сам писатель меняет ориентиры — от утверждения *завершенной* формы самодовлеющего повествования, которое нельзя представить иначе, чем в *тех сцеплениях*, которые его составляют¹, до почти отрицания значимости художественной формы, которой впоследствии противопоставляются отдельные «мысли» (фрагменты и афоризмы), правда, составляющие уже какое-то иное целое.

Но еще в 1870-е гг. для Толстого совершенство целостного повествования — это то, что противится его пересказу иными словами, равно как и «бессмыслице отыскивания мыслей» [Толстой 62: 269], смысловой фрагментации. Единство и нерасторжимость формы, значимой только благодаря последовательности изображаемого, а также *сцепляющие* элементы романного повествования, делающие бесполезным рассмотрение каждого элемента самого по себе или отдельной мысли (см.: [Толстой 62: 268]) — главный предмет высказывания в известном письме к Н. Н. Страхову², к которому обращается, без преувеличения, каждое поколение исследователей. Именно это толстовское рассуждение становится основой теории медленного чтения у Гершензона³.

В программной статье «Видение поэта» (1911–1919) Гершензон подчеркивает общность толстовских единств-«сцеплений» с образом-посредником А. Бергсона, отмечая близость выводов, к ко-

¹ См. подр.: [Андреева 2012].

² От 23 и 26 апреля 1876 г.

³ См.: [Смирнова 2023].

торым на разном материале приходят художник и философ. Соответственно, обнаружить сущностную природу этих сцеплений (или образов-посредников) — цель исследователя, формулирующего теорию медленного чтения.

Та же толстовская мысль, высказанная в письме к Н. Н. Страхову, станет и фундаментом теории остранения у В. Б. Шкловского¹. Как известно, формалисты демонстративно противопоставляли выявление структуры художественного целого отысканию «душевной эмпирики», которой *«нет и не может быть места»* в произведении (см.: [Эйхенбаум 1986: 59])².

Однако сам Толстой, пробуя новый для себя стиль письма *вне формы*, обращает внимание именно на выражение души:

Писатель дорог и нужен нам только в той мере, в которой он правдиво проявляет нам свою душу. Что бы он ни писал: драму, ученое сочинение, повесть, философский трактат, лирическое стихотворение, сатиру — нам нужна только работа его души, а не та архитектурная постройка, в которую он, уродуя их, укладывает свои мысли. И чем искреннее, проще выражена душа писателя, тем он дороже и поучительнее для нас. Форма же, вперед усвоенная, форма почти всегда немного, а иногда совершенно скрывает от нас душу писателя и тогда все, что он пишет, как бы оно ни было учено, умно и виртуозно, не нужно нам. И это самое случилось с Амиемом. Все, что он отливал в готовую форму, было мертво; дневник же его, где он говорил только сам с собой и с своей душой, полон жизни, мудрости, поучительности, утешения и навсегда останется одной из тех лучших книг, которые нам нечаянно оставляли люди, как книга мыслей Паскаля, как книга Марка Аврелия, как беседы Эпиктета, Сократа [Толстой 2002: 218–219].

¹ См.: [Шкловский 1929: 24–67]. Примечательно, что один и тот же прием построения художественной реальности в «Холстомере» Шкловский и Гершензон видят по-разному: Гершензон называет его «непростительной натяжкой» [Гершензон 3: 658], а Шкловский на его анализе строит свою теорию остранения в искусстве («Искусство как прием», 1917).

² См. также: [Лаппо-Данилевский 2023: 59, 79]; о влиянии идей Толстого на формалистов см, напр.: [Романова, Тышковска-Каспшак 2021: 52–64], [Смирнова 2024].

Интересно, что Толстой упоминает жанры фрагментарно-эссеистические, дневники и беседы (диалоги): в поздний период творчества писатель явно сам тяготел к таким способам повествования («И художественная работа: “был ясный вечер, пахло...” невозможна для меня. <...> Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь» (дневниковая запись от 12 января 1909 г.) [Толстой 57: 9]. Кроме того, и пересказ художественного целого другими словами отнюдь не кажется позднему Толстому такой невероятной идеей, когда он составляет свои книги «Круг чтения», сопоставляя при этом прозрения художников и мыслителей.

А. Б. Гольденвейзер¹ вспоминает следующее: «Говоря об афоризмах Лихтенберга, Лев Николаевич сказал

Афоризмы — едва ли не лучшая форма для изложения философских суждений. Например, афоризмы Шопенгауэра (“Парерга и Паралипомена”) гораздо ярче выражают его мирозерцание, чем “Мир как воля и представление”. Философ, излагая целую сложную систему, невольно перестает иногда быть честным. Он делается рабом своей системы, для стройности которой он часто готов жертвовать истиной» (запись 9 июля 1904 г.) [Гольденвейзер 1959: 155].

К слову сказать, о том же виде рабства системе говорил и Лев Шестов в предисловии к «Апофеозу беспочвенности» (1905), своеобразному манифесту философского афоризма в самом начале XX столетия:

...Все мои собственные воспоминания читателя говорили мне, что самое обременительное и тягостное в книге — это общая идея. Ее нужно всячески вытравлять, если только не хочешь стать ее данником и бессловесным рабом, а меж тем до сих пор, пока сохраняется принятая форма изложения, идея не только будет главенствовать, но и подавлять собой все содержание книги [Шестов 1991: 34].

Так мысль подрывается изнутри самой системой, «стройность» которой выдает ее неподлинность.

¹ Брат супруги Гершензона — Марии Борисовны.

У Толстого в поздний период творчества поэзия уступает место чистой мысли, дневникам, эссеистике, фрагментарному письму, замещающему художественную форму.

Гершензон вовсе не был настолько радикален, чтобы выступать против «пленительности» формы¹, однако в поисках сцеплений он расщеплял поэтическую материю, представляя фрагментарно-афористический языковой материал, как, например, в книге «Гольфстрем» (1922), сближая при этом интуиции поэта (Пушкин) и философа (Гераклит). И по мнению Гершензона, мирозерцание представленное в фрагментарно-афористической форме (извлечения из целого, скрывающего важные детали) гораздо красноречивее, говорит как бы само, даже без явного намерения исследователя «вчитать» те или иные идеи в препарлируемые тексты.

Эволюция толстовской мысли вольно или невольно затронула своим влиянием целые направления интеллектуальной культуры современности. Несмотря на то, что Толстой как художник гораздо меньше был в фокусе внимания Гершензона, нежели другие русские писатели, пафос его мысли оказал значительное влияние на ученого: это справедливо как для осмысления философии любви в ранний период творчества, так и размышлений о художественной форме и роли сцеплений в обосновании теории медленного чтения 1910–1920-х гг.

Список литературы

Источники

Гершензон М. О. [М. Г.] Воспоминание о Л. Н. Толстом // Новые Пропилеи / под ред. М. О. Гершензона. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. Т. 1. С. 96–101.

Гершензон М. О. Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н. Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 336 с. (Серия «Российские Пропилеи»)

Гершензон М. О. Дневник 1905–1907 гг. / вступит. заметка, подг. текста и комм. А. Л. Соболев // Складчина: сб. ст. к 50-летию проф. М. С. Макеева / под. ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М.: ОГИ, 2019. С. 201–213.

Гершензон М. О. Избранное: в 4 т. М.; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000.

Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России (1909–1910). М.: Молодая гвардия, 1991. С. 85–108.

¹ См.: [Гершензон 4: 304, 306].

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Л.: ГИХЛ, 1959. 488 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Толстой Л. Н. Предисловие к дневнику Амиеля: Первая редакция // *Донсков А. А., Галаган Г. Я., Громова Л. Д.* Единение людей в творчестве Л. Н. Толстого: Фрагменты рукописей. М.; СПб.; Оттава: Группа славянских исследователей при Оттавском ун-те, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, 2002. С. 218–221.

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л.: Ленинградский ун-т, 1991. 216 с.

Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с.

Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии: сб. ст. / сост. О. Эйхенбаум; вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит., 1986. 456 с.

Исследования

Андреева В. Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Кострома: Авантитул, 2012. 296 с.

Андреева В. Г. «Катков... как раз годится для публикации»: переписка Л. Н. Толстого и М. Н. Каткова 1850–1860-х гг. // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 20–39. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-20-39>

Лаппо-Данилевский К. Ю. Вячеслав Иванов в диалоге со школой А. А. Потебни и утверждающимся формализмом // Летняя школа по русской литературе. Т. 19. № 1–2. 2023. С. 42–88. <https://doi.org/10.48612/sum-2023-19-1-2-42-88>

Романова Г. И., Тышковская-Каспиак Э. Л. Толстой и формалисты о сюжете // Новый филологический вестник. № 3 (58). 2021. С. 52–64.

Смирнова Н. Н. Исследовательские принципы и язык М. О. Гершензона-теоретика // *Гершензон М. О.* Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 299–328. (Серия «Российские Пропилеи»)

Смирнова Н. Н. История «сцеплений»: от «Видения поэта» М. О. Гершензона до «Умирания искусства» В. Вейдле // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 5–13. <https://doi.org/10.31857/S160578800026309-5>

Смирнова Н. Н. Фрагментация и остранение как процесс: В. Б. Шкловский перечитывает Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 66–81. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-66-81>

Соболев А. Л. Дневниковые записи М. О. Гершензона (1894–1895, 1906/1907) // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 9–40. <https://www.doi.org/10.22455/2541-8297-2016-1-2-9-40>

Hamburg G. M. Tolstoy and Vekhi // *Tolstoy Studies Journal*. 2010. Vol. XXII. P. 1–15.

References

Andreeva, V. G. “‘Beskonechnyi labirint stseplenii’ v romane L. N. Tolstogo ‘Anna Karenina.’” [“‘An Endless Labyrinth of Cohesion’ in L. N. Tolstoy’s Novel ‘Anna Karenina.’”] Kostroma, Avantitl Publ., 2012. 296 p. (In Russ.)

Andreeva, V. G. “‘Katkov... kak raz goditsia dlia publikii’: perepiska L. N. Tolstogo i M. N. Katkova 1850–1860-kh gg.” [“‘Katkov... Is Just Right for the Public’: Correspondence Between L. N. Tolstoy and M. N. Katkov in the 1850s–1860s”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 20–39. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-20-39> (In Russ.)

Lappo-Danilevskii, K. Iu. “Viacheslav Ivanov v dialoge so shkoloii A. A. Potebni i utverzhdaushchimsia formalizmom” [“Viacheslav Ivanov in Dialogue with the School of A. A. Potebnia and Early Formalism”]. *Letniaia shkola po russkoi literature*, vol. 19, no. 1–2, 2023, pp. 42–88. <https://doi.org/10.48612/sum-2023-19-1-2-42-88> (In Russ.)

Romanova G. I., and E. Tyshkovska-Kaspshak. “L. Tolstoi i formalisty o suzhetie” [“Leo Tolstoy and the Formalists About the Plot”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (58), 2021, pp. 52–64. (In Russ.)

Smirnova, N. N. “Issledovatel’skie printsipy i iazyk M. O. Gershenzона-teoretika” [“Research Principles and Thesaurus of M. O. Gershenzon the Theorist”]. Gershenzon, M. O. *Demony glukhonemye. Stat’i, esse, zametki raznykh let* [Deafmute Demons. Articles, Essays, Notes from Different Years], ed. and comp. by N. N. Smirnova. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017, pp. 299–328. (In Russ.)

Smirnova, N. N. “Istoriia ‘stseplenii’: ot ‘Videniia poeta’ M. O. Gershenzона do ‘Umiraniia iskusstva’ V. Veidle” [“History of ‘Cohesion’: From M. O. Gershenzon’s ‘The Poet’s Vision’ to V. Weidlé’s ‘Les Abeilles d’Aristée.’”] *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 82, no. 3, 2023, pp. 5–13. <https://doi.org/10.31857/S160578800026309-5> (In Russ.)

Smirnova, N. N. “Fragmentatsiia i ostranenie kak protsess: V. B. Shklovskii perechityvaet L. N. Tolstogo” [“Fragmentation and Defamiliarization as a Process: V. B. Shklovsky Rereads L. N. Tolstoy”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 66–81. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-66-81> (In Russ.)

Sobolev, A. L. “Dnevnikovye zapisi M. O. Gershenzона (1894–1895, 1906/1907)” [“From Mikhail Gershenzon’s Diary (1894–1895, 1906/1907)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1–2, 2016, pp. 9–40. <https://www.doi.org/10.22455/2541-8297-2016-1-2-9-40> (In Russ.)

Hamburg, Gary Michael. “Tolstoy and Vekhi.” *Tolstoy Studies Journal*, vol. 22, 2010, pp. 1–15. (In English)